

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ В АССР НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

Немецкая школа в СССР, как и в Российской империи, была подчинена центральной власти и входила в образовательную систему страны. Поэтому судьба немецкой, как и русской, школы находилась под существенным влиянием внутренней политики и государственной идеологии. Большевики, придя к власти, объявили о разрыве с русификаторской политикой царизма, чем во многом обеспечили себе поддержку части интеллигенции нерусских народов, в том числе и российских немцев, которые, кроме того, не могли не приветствовать прекращения войны своей новой родиной с родиной предков.

Уже 2 ноября 1917 г. советское правительство опубликовало Декларацию прав народов России, в которой провозглашалось право наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельных государств, отмена национальных и религиозных ограничений и привилегий, свободное развитие национальных меньшинств. Впоследствии принципы Декларации нередко нарушались. В частности, в сфере образования явно противоречил провозглашенному в Декларации праву национальных меньшинств на свободное развитие правительственный декрет от 3 февраля 1918 г. об отделении церкви от школы и школы от церкви. В ходе реализации декрета допускались перегибы, произошло разрушение традиционных национально-религиозных школ мусульманских народов, евреев и немцев. А ведь именно эти школы являлись главными хранительницами языка и культуры этих народов. Ликвидация национально-религиозных учебных заведений означала искусственное пресечение веками складывавшейся традиционной культуры и лишение большей части родителей права и возможности воспитывать своих детей в соответствии со своими взглядами и духовными ценностями. Запрещая в школе какое-либо религиозное воспитание и обучение, советское правительство формально не объявляло о необхо-

димости атеистической пропаганды в школе, однако, с конца 1920-х годов ее стали вменять в обязанность каждому учителю.

31 октября 1918 г. Наркомпрос РСФСР издал постановление «О школьных нацменьшинствах», в котором говорилось: «Все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке в обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе». Национальные школы могли открываться повсюду, где имелось «достаточное количество учащихся данной национальности для открытия школы».¹ Однако преподавание на родном языке и использование его во всех сферах жизни не означало для народов России свободы и независимости в своем национально-культурном строительстве. Форма, то есть язык воспитания и образования, могла быть различной, но содержание должно было быть единым и заключаться во внушении детям ненависти к классовому врагу, атеизма и готовности к самоотверженной борьбе во имя победы коммунизма, избавления трудящихся всего мира от гнета эксплуататоров ради грядущего всеобщего благоденствия. Таким образом, национальные культуры оказались как бы привязанными к одному идеологическому стержню. Однако если в 1920-е годы узы их были сравнительно свободны, то десятилетием позже образование и культура в СССР оказались настолько туго схвачены государственными и идеологическими установками, что фактически стремление к самобытности расценивалось как национализм и враждебные действия по отношению к советской власти.

Важнейшим законодательным актом, определившим характер и цели советской школы в 1920-е годы, явилось положение о единой трудовой школе от 30 сентября 1918 г., основные принципы которого были развиты в Декларации о единой трудовой школе (16 октября 1918 г.). Оба документа были написаны наркомом просвещения РСФСР А.В.Луначарским. В соответствии с ними в РСФСР вводилось всеобщее обязательное бесплатное девятилетнее образование. Период обучения делился на два этапа: школу первой ступени - с первой по пятую группу (группами в первые послереволюционные годы называли классы) и школу второй ступени - с шестой по девятую группу. В основу

обучения положен был производительный труд, целью которого являлось знакомство учащихся с различными видами производства, расширение их кругозора и развитие творческих способностей. Одной из целей А.В.Луначарского и многих педагогов того времени являлось изгнание у детей страха перед школой, преодоление отчуждения между учащими и учащимися. Только интерес и стремление к знаниям, а не страх перед плохой оценкой и наказанием, должны были стать единственными стимулами добросовестного отношения к учебе. Единая трудовая школа, иными словами, должна была воспитывать людей активных, энергичных, умеющих применять полученные знания на практике, самостоятельно действующих и мыслящих. Хотя многое из того, что провозглашалось в положении и декларации, так и осталось на бумаге, однако идеи, содержащиеся в этих документах, являлись путеводными для всех творческих педагогов 1920-х годов и оказали огромное влияние на развитие советской, в том числе и немецкой, школы того времени.

19 октября 1918 г., «в целях укрепления борьбы за социальное освобождение немецких рабочих и немецкой бедноты Поволжья» декретом Совнаркома РСФСР была образована Автономная область Немцев Поволжья. Впервые за всю свою историю российские немцы получили подтвержденное законом право пользоваться родным языком во всех сферах жизни. Декрет обещал, что «культурная жизнь немцев-колонистов: употребление ими родного языка в школе, в местной администрации, суде и общественной жизни - не подлежит, согласно Советской Конституции, никаким стеснениям».²

Наличие собственной автономной области не спасло поволжских немцев от страшного голода, разразившегося вследствие бессмысленно жестоких реквизиций, осуществлявшихся, как правило, силами продотрядов. Голод продолжался около семи лет - с 1918 по 1925 гг., пик его пришелся на 1921 г.³ Естественно, в те страшные годы, когда практически перед каждым жителем автономной области встал призрак голодной смерти, проблемы образования и культуры отошли на задний план. Истощенные дети не в состоянии были посещать школу; учителя, полностью лишенные средств существования, умирали от голода или ух-

И.Б.Томан. Из истории общеобразовательной школы АССР Немцев Поволжья.

дили в города, чтобы получить хоть какой-нибудь гарантированный минимум продовольствия. Многие школы закрывались или преобразовывались в питательные пункты.

Но даже тогда школьное строительство не было предано полному забвению. Прежде всего большинство колонистских школ было преобразовано в школы первой ступени (срок обучения в них составлял, как и повсюду в РСФСР, четыре года, а не пять лет, как было зафиксировано в положении о единой трудовой школе). Центральные школы в Катариненштадте и Гримме были преобразованы в школы второй ступени (срок обучения в школах второй ступени составлял три года; позднее его увеличили до пяти лет). В школы второй ступени принимались дети, окончившие школы первой ступени. Преподавание всех предметов переводилось на немецкий язык; русский язык преподавался лишь как отдельный предмет. В районах с русским населением, входивших в состав автономной области, преподавание велось на русском языке.

Одной из характерных черт данного периода в Автономной области Немцев Поволжья являлось развитие профессионального образования при школах, что отвечало насущным потребностям населения. В то беспокойное время, когда каждый в любую минуту мог лишиться всего, многие стремились научить своих детей какому-либо ремеслу. По далеко не полным сведениям, уже в 1918/19 учебном году при школах автономной области имелось 25 столярных и 7 сапожных мастерских, 1 слесарная мастерская и 19 мастерских по плетению.⁴

Как и во всей стране, в Автономной области Немцев Поволжья проводилась кампания по ликвидации неграмотности, развернувшаяся после опубликования декрета Совнаркома от 26 декабря 1919 г., который обязывал «все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязательно обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию».⁵ Как и в других районах страны, декрет этот не был осуществлен, тем не менее благодаря ему часть населения, желавшего научиться читать и писать, получила такую возможность благодаря организованным повсюду ликбезам. Следует, однако, отметить, что среди немцев Поволжья проблема грамот-

ности была не столь остра, как среди других народов России. По данным переписи 1897 г., около 87% немецкого населения Саратовской и Самарской губерний старше 10 лет было грамотным,⁶ что являлось следствием всеобщего обязательного начального образования немецких колонистов, введенного еще в 1840 г., то есть почти за 80 лет до опубликования декрета. Но все же проблема ликвидации неграмотности в автономной области существовала, поскольку, во-первых, в нее входили и русские районы, грамотность в которых была чрезвычайно низкой, и во-вторых, само немецкое население не являлось поголовно грамотным.

В связи с образованием немецкой автономии встал вопрос о подготовке собственных национальных кадров и прежде всего педагогов, нехватка которых ощущалась чрезвычайно остро. Еще до официального образования Автономной области Немцев Поволжья летом 1918 г. в Зельмане были открыты педагогические курсы, на которых обучалось 500 человек. Летом 1919 г. педагогические курсы были открыты в Марксштадте. На этих курсах учителя, в частности, овладевали различными ремеслами, чтобы в дальнейшем руководить школьными мастерскими.⁷ В октябре 1919 г. в Зельмане открыли Немецкий педагогический институт, просуществовавший, однако, лишь зиму 1919/1920 гг.⁸

В августе 1922 г., когда немного ослабел свирепствовавший в области голод, в Зельмане был открыт немецкий педагогический техникум, в который поступил 21 человек (14 немцев и 7 русских). В августе 1923 г. его перевели в Марксштадт. Известно, что в 1923/24 учебном году в техникуме обучалось 35 немецких студентов (22 на первом курсе, 13 - на втором; русские студенты были переведены в русский педтехникум).⁹

6 января 1924 г. на XI съезде советов Автономной области Немцев Поволжья область была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья, что закрепил декрет ВЦИК и СНК от 20 февраля 1924 г. Поскольку на территории республики проживали не только немцы, но русские и украинцы, составлявшие более трети ее населения, в декрете отмечалось, что «немецкий, русский и украинский языки являются равноправными на территории АССР Немцев Поволжья. Во

И.Б.Томан. Из истории общеобразовательной школы АССР Немцев Поволжья.

всех территориальных частях республики делопроизводство ведется на языке большинства населения каждой такой части». Эта формулировка вошла и в текст республиканской Конституции, утвержденной 31 января 1926 г. на III съезде Советов АССР Немцев Поволжья. В Конституции отмечалось также, что Народный комиссариат просвещения АССР Немцев Поволжья, как и народные комиссариаты внутренних дел, юстиции, здравоохранения, земледелия, социального обеспечения, «автономен в своих действиях, подчинен правительству АССР Немцев Поволжья и непосредственно перед ним ответственен».¹⁰

Собственный наркомат просвещения не означал наличия у немцев Поволжья собственной независимой и самостоятельной образовательной системы. И в автономной области, и затем в автономной республике государственная политика в сфере образования и культуры находилась под непосредственным влиянием Наркомпроса РСФСР, деятельность которого определялась главным образом идеологией партии большевиков. Поэтому историю образования российских немцев можно рассматривать лишь на фоне истории образования в СССР, ибо практически все важнейшие педагогические нововведения, идеи и политические изменения тотчас сказывались на немецкой школе.

Условно 17-летнюю историю народного образования в АССР Немцев Поволжья можно разделить на два этапа, совпадающие с этапами развития советской школы в целом. Первый этап продолжался до конца 1920-х годов, второй охватывал период примерно с 1930 по 1941 гг.

1920-е годы, несмотря на заметную идеологизацию и политизацию сферы образования, характеризуются определенным плюрализмом, творческими поисками в педагогической науке, использованием в школе передового зарубежного опыта и, самое главное, стремлением воспитать в ученике способность к самостоятельному мышлению. Учебные программы, особенно в первой половине 1920-х годов, во многом носили рекомендательный характер; применять их можно и нужно было с учетом местных условий, особенностей каждой школы и каждого класса. В связи с этим в школах АССР Немцев Поволжья этого периода можно заметить некоторое национальное своеобразие, выпавшееся

прежде всего в преподавании родного языка, на уроках которого предпочтение отдавалось изучению произведений классической литературы, а также в школьной краеведческой работе, в ходе которой дети под руководством учителя изучали историю своей деревни, традиции и обычаи ее жителей, записывали фольклор, исследовали флору и фауну окрестностей и т. д.

В начале 1930-х годов в системе образования СССР, в том числе и в АССР Немцев Поволжья, произошел крутой перелом. С творческими поисками в области педагогики было покончено, и многие видные деятели народного образования подверглись репрессиям. Вводятся единые образовательные программы и учебники, обязательные для всех школ РСФСР.

Немецкая школа попала, как и все школы, в полное подчинение Центра. Практически все национальное своеобразие было из нее вытравлено. Остался лишь немецкий язык преподавания. Из программ по литературе были почти полностью исключены произведения немецких авторов; краеведческое движение, как и всюду, было разгромлено и заменено прославлением успехов «социалистического строительства»; учебники же большей частью представляли собой переводы с русских изданий. Таким образом, советская немецкая школа в 1930-е годы, несмотря на немецкий язык преподавания и почти мононациональный состав учителей и учащихся, практически полностью утратила национальный характер и роль носительницы национальной культуры. В конечном же итоге немецкая школа в СССР не только идеологизировалась, но и в значительной степени русифицировалась.

Преобладающим типом школы в АССР Немцев Поволжья в 1920-е годы являлась сельская четырехлетняя школа. В немецких селах были школы с немецким языком преподавания, в русских - с русским. Кроме того, имелись украинские, эстонские и татарские школы, а в селах со смешанным составом населения организовывались национальные классы.

Школ более высокого типа имелось сравнительно немного. В 1927 г. в республике насчитывалось 4 девятилетние школы, 7 семилетних школ и 8 школ крестьянской молодежи (программа которых по общеобразовательным предметам соответствовала V-

VII классам) с немецким языком преподавания. Среди школ с русским языком преподавания было 5 школ второй ступени (V- VII классы), 6 семилеток и 2 школы крестьянской молодежи. Во всех этих учебных заведениях насчитывалось примерно в десять раз меньше учащихся, чем в начальных школах.¹¹ Однако даже в начальной школе обучались далеко не все дети. В 1927 г. 44% детей в возрасте от 8 до 11 лет не посещали школу (наименьший показатель приходится на Покровск - 24%, наибольший - на Маркшадтский кантон - 59%).¹²

Обращает на себя внимание и тот факт, что если до революции поволжские немцы выделялись среди окружавшего их населения своей почти поголовной грамотностью, то в 1920-х годы уровень их грамотности стал даже несколько ниже, чем у русских и украинских соседей. Приведем несколько цифр. Если в 1897 г. среди немецкого населения старше 10 лет Саратовской и Сормовской губерний было лишь 13% неграмотных, то в 1928 г. в АССР Немцев Поволжья около 20% немцев в возрасте от 14 до 35 лет было грамотными (22,5% в сельской местности, 17,2% в городах). В то же время уровень грамотности русских и украинцев резко повысился. Если в 1897 г. среди них было около 75% неграмотных, то в 1928 г. в АССР Немцев Поволжья было лишь 17,4% неграмотных русских и украинцев (26% русских и 19,6% украинцев в сельской местности, 10,8% русских и 13,4% украинцев в городах).¹³

Среди немецкого населения больше всего неграмотных в 1920-х годах было среди подростков и молодых людей, чей школьный возраст пришелся на период гражданской войны и голода. По переписи 1926 г. половину неграмотных немцев в возрасте от 14 до 35 лет составляли подростки до 18 лет; неграмотные в возрасте от 30 до 35 лет - лишь 14%.¹⁴

В соответствии с программами Наркомпроса РСФСР, в школах АССР Немцев Поволжья преподавали родной язык (в немецких школах - немецкий, в русских - русский), «второй язык» (в немецких школах - русский, в русских - немецкий), математику, географию, естествознание, обществоведение, музыку, изобразительное искусство, труд, физкультуру, а в школах второй степени - еще физику, химию и черчение. В школах

История национальной школы

крестьянской молодежи преподавали, кроме того, основы земледелия и животноводства. Главным предметом в немецких школах всех типов, на который выделялось больше всего учебного времени, являлся немецкий язык. Однако назвать его родным языком для немецких детей можно лишь условно. Как признавали многие учителя, родным языком для немецких детей АССР Немцев Поволжья был диалект. «Общеизвестно, - писал один из авторов педагогического журнала "Wolgadeutsche Schulblatt", выходявшего в АССР Немцев Поволжья в 1927-1929 гг., - что наши дети дома и со своими друзьями говорят почти исключительно на диалекте, и вследствие этого при поступлении в школу едва или же совсем не знакомы с литературным немецким языком».¹⁵ Того же мнения придерживался и другой автор: «Диалект - это язык наших детей. Весь свой словарный запас ученик черпает из диалекта. Литературный немецкий язык - это чужой язык».¹⁶

Как известно, немцы, жившие на территории АССР Немцев Поволжья и в других районах СССР (на Украине, на Кавказе, в Средней Азии, в Сибири), говорили на десятках весьма отличающихся друг от друга диалектах, соответствовавших диалектам тех германских земель, откуда были родом их предки. С течением времени диалекты подвергались и взаимовлиянию, и влиянию русского языка, но в целом благодаря замкнутости отдельных колоний, они сохранили особенности и своеобразие диалектов германских земель XVIII в. Литературный немецкий язык являлся языком общения между немцами России. На нем совершались богослужения, выходила пресса, издавалась литература. Однако родным он был лишь для городских немцев, составлявших около 5% немецкого населения России. Остальные хотя и понимали обычно литературный немецкий язык, однако в повседневной жизни говорили на диалекте.

До революции пасторы были главными носителями литературного немецкого языка среди колонистов, поскольку все они получали образование в крупных немецких городах и литературный немецкий язык был для них родным. Учителя же и кистеры были обычно уроженцами колоний и потому владели литературным языком не всегда в совершенстве.

И.Б.Томан. Из истории общеобразовательной школы АССР Немцев Поволжья

После революции население тех деревень, где церкви были закрыты, оказалось почти полностью лишенным литературного немецкого языка. Отныне учитель должен был стать его главным носителем, но далеко не всегда это оказывалось ему под силу. «Мы не владеем немецким языком», - признавался на страницах «Wolgadeutsche Schulblatt» один из учителей. В то же время он отмечал, что «значительное большинство учителей его вполне удовлетворительно понимает и при ежедневной подготовке к урокам может преподавать на вполне хорошем немецком языке».¹⁷ Нарком просвещения АССР Немцев Поволжья Й.Шенфельд после своей инспекционной поездки по республике пришел к такому же выводу.¹⁸

Обучение говорящих на диалекте детей литературному немецкому языку - одна из главных тем, обсуждавшихся на страницах журнала «Wolgadeutsche Schulblatt». Авторы, высказывавшиеся по этому вопросу, придерживались в основном мнения, что ребенка уже с первых недель в школе следует деликатно, бережно, но настойчиво приучать к литературному немецкому языку. Й.Шенфельд писал: «Учителя должны использовать диалект лишь в первое время, чтобы сделать переход от домашнего окружения к школе менее чувствительным для ребенка. Впоследствии, однако, учитель должен говорить на литературном немецком языке и приучать к этому учеников. Из этого не следует, что диалект надо рассматривать как нечто неполноценное или унижать его в глазах детей. Если ученик употребит диалект в устной речи, нельзя упрекать его за это. Учитель должен сказать произнесенную фразу на литературном языке и, по возможности незаметно, сделать так, чтобы он повторил ее правильно».¹⁹

В более развернутом виде та же идея содержится в статье Д.Майера: «В первое время лучше всего разрешить детям рассказывать совершенно все, как придется. Благодаря этому они привыкают говорить и проникаются доверием к учителю. При этом учителю совершенно необязательно самому говорить только на диалекте. Вполне достаточно, если учитель даст детям полную свободу выражаться, как им вздумается, и не будет их поправлять. Однако уже тогда учитель может задавать детям

История национальной школы

короткие вопросы на литературном языке, а они пускай отвечают ему на диалекте. Но позднее, еще до начала уроков чтения и письма, учителю целесообразно постепенно приучать детей давать на литературном немецком языке короткие ответы. Во второй группе (классе. - И.Т.) дети будут все еще отвечать и рассказывать на диалекте, но тут уже учитель должен больше их поправлять, однако всегда осторожно, чтобы не отбить у детей охоту свободно выражать свои мысли. Здесь, однако, его работа будет существенно облегчена тем, что дети уже умеют читать. Они читают книги на литературном языке, переписывают оттуда и тем самым кое-что усваивают. В третьей и четвертой группе дети будут в речи и письме также часто переходить на диалект, но тут уже учитель должен принимать более серьезные меры против этого и требовать, чтобы дети делали письменные работы и отвечали только на литературном языке». Попытки искоренения диалектов, по мнению Д.Майера, бессмысленны и вредны. Цель школы не в том, чтобы отучить ребенка от его родного языка, а в том, чтобы «научить его выражать свои мысли устно и письменно на литературном немецком языке».²⁰

Итак, главная задача уроков родного языка состояла в том, чтобы научить ребенка выражать свои мысли. Эта задача логически вытекала из общей установки советской школы 1920-х годов: воспитание мыслящей активной личности. Вот что писал по этому поводу в 1927 г. будущий нарком просвещения АССР Немцев Поволжья Н.Беллендир: «Прежде всего дети должны понимать жизнь и правильно разбираться в ее разнообразных проявлениях. Мы должны предоставить нашим детям безоговорочное право знать, право познавать, убеждаться, исследовать, спрашивать и проверять».²¹

Стремление активизировать ребенка проявлялось особенно ярко на уроках родного языка. Если до революции в немецкой начальной школе основное внимание уделялось чтению, усвоению и запоминанию наизусть, то теперь ребенка прежде всего учили выражать свои мысли, не бояться ошибок. Вначале цель учителя заключалась лишь в том, чтобы «разговорить» детей, которые через сравнительно короткое время должны были научиться свободно и хорошо владеть своей устной и письменной

речью. В соответствии с программой 1926 г., выпускник двухлетней элементарной школы АССР Немцев Поволжья²² должен был уметь логично и грамотно излагать события и наблюдения, пересказывать и обсуждать литературные произведения, читать с выражением стихи и прозу, обладать навыками актерского мастерства, а также принимать активное участие в собраниях, то есть быть способным сделать доклад, правильно формулировать вопросы, четко излагать свое мнение и т. п. Кроме того, он должен был уметь написать сочинение о своих наблюдениях и переживаниях, заметку в стенгазету и составить альбом своих любимых стихотворений.²³ К выпускникам школ второй ступени (программа 1928 г.) предъявлялись следующие требования: уметь правильно вести дискуссию на собраниях, выступать экспромтом, составить реферат, написать рецензию на книгу, статью в периодическую печать. Среди различных видов письменных работ главное место в программе занимали сочинения, вначале на свободные темы и лишь в VIII и IX классах - на литературные и общественно-политические темы. В программу по родному языку входила и краеведческая работа, в ходе которой учащиеся собирали и записывали фольклор своей деревни на диалекте и переводили его на литературный немецкий язык.

Значительную часть рекомендательного списка художественной литературы в программе 1928 г. составляли произведения немецкой классической литературы. В нем мы находим Гете («Фауст», «Гетц фон Берлихинген», «Герман и Доротея», «Ифигения в Тавриде», «Страдания молодого Вертера»), Шиллера («Коварство и любовь», Вильгельм Телль», «Валленштейн», «Разбойники»), Лессинга («Эмилия Галотти», «Минна фон Барнхельм»), Гейне, Уланда, Эйхендорфа и других авторов, а также произведения средневековой германской поэзии («Песнь о Нибелунгах», «Парцифаль»)²⁴. Значительная часть произведений, рекомендованных для советских школьников в конце 1920-х годов, входила в дореволюционные программы, хотя, конечно, некоторое различие в выборе произведений имелось. Например, «Страдания молодого Вертера» и «Коварство и любовь» в дореволюционной школе не изучались. Вероятно, эти произведения считались не вполне подходящим чтением для детей и подростков. Значительное место в програм-

ме 1928 г., по сравнению с дореволюционными программами, занимали произведения конца XIX - начала XX вв., особенно те, в которых, по мнению составителей, критически отражено буржуазное общество, положение угнетенных слоев населения или классовая борьба. Впрочем, главным критерием отбора произведений все же считались не их полезность для идейно-политического воспитания молодежи, а литературные достоинства.

Программа 1928 г. во многом отражала настроения и взгляды большей части интеллигенции АССР Немцев Поволжья, глубоко убежденной в необходимости изучения наследия прошлого, без которого строительство новой жизни уподоблялось сооружению здания без фундамента. Идея о необходимости чтения классической немецкой литературы звучит практически в каждой статье о проблемах преподавания родного языка, опубликованных в «Wolgadeutsche Schulblatt». Для примера ограничимся весьма примечательной цитатой из заметки, помещенной в постоянной рубрике «Уголок языка»: «Лучшим средством достигнуть грамотного письма и овладеть языком является внимательное чтение хороших стилистов - Лессинга, Гейне, Шиллера, Гете, Шопенгауэра, Ницше».²³ Как видим, даже произведения Шопенгауэра и Ницше, впоследствии заклеянных в качестве реакционеров, считались допустимым и желательным чтением для советского школьника того времени.

Стремление педагогов воспитать детей на классической немецкой литературе наталкивалось не на идеологические барьеры, а прежде всего на нехватку книг и времени, хотя на изучение родного языка в советской немецкой школе уделялось больше времени, чем в дореволюционной. В силу объективных причин для подавляющего большинства учителей и учеников требования программы были недостижимым идеалом. Как и повсюду в нашей стране, высокие стремления педагогов АССР Немцев Поволжья пришли в противоречие с прозой жизни 1920-х годов. И все же они не были напрасны и бесплодны. Они лишь опередили свое время и были искусственно задавлены в начале следующего десятилетия. Теперь же, 70 лет спустя, многое из опыта 1920-х годов может стать полезным для созидания в России как русской так немецкой школы

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. - М., 1974. - С.145.
- ² История российских немцев в документах. - М., 1993. - С.76.
- ³ Подробнее см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 4.1. - Саратов, 1992.
- ⁴ Bach H. Das Bildungswesen im ersten Jahrzehnt unserer Selbstverwaltung / Wolgadeutsche Schulblatt. 1929. № 1. S.9.
- ⁵ Народное образование, с. 377.
- ⁶ Kappeler F. Die Deutschen im Rahmen des zaristischen und sowjetischen Vielvolkreiches/Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat. Koln, 1987. S.10.
- ⁷ Bellendir N. 10 Jahre Lehrerbildung / Wolgadeutsche Schulblatt. 1929. № 1. S.23.

- ⁸ Ibidem. S.24; Dinges G. Die deutsche Abteilung bei der .Paedagogischen Fakultaeet der Universitaet zu Saratow / Wolgadeutsche Schulblatt. 1927. № 2. S.134.
- ⁹ Bellendir N. Op.cit. S.24.
- ¹⁰ История российских немцев, с. 82, 88.
- ¹¹ Miller J. Die ersten Ergebnisse der Schulzahlung von 1927 / Wolgadeutsche Schulblatt. 1928. № 7. S.679-688.
- ¹² Von dem allgemeinen Unterricht der Republik der Wolgadeutschen / Wolgadeutsche Schulblatt. 1927. № 6. S.490-502.

- ¹³ Henning D. Unsere Lesekundigen und Leseunkundigen / Wolgadeutsche Schulblatt. 1928. № 5. S.489-491.
- ¹⁴ Mueller N. Ueber die Liqwiedierung des Analphabetentums in der Republik der Wolgadeutschen / Wolgadeutsche Schulblatt. 1929. № 9. S.828-834.
- ¹⁵ Meier D. Ueber der Gebrauch der ortlichen Mundart beim Unterricht / Wolgadeutsche Schulblatt. 1929. № 9. S.770-771.
- ¹⁶ Unsteht H. Paedagogische Aphorismen. Hochdeutsch und Dialekt / Wolgadeutsche Schulblatt. 1928. № 10. S.980-981.
- ¹⁷ Becker H. Der Deutschunterricht in unserer Schulen/Wolgadeutsche Schulblatt. 1928. № 8. S.789.
- ¹⁸ Wolgadeutsche Schulblatt. 1927. № 3. S.262.
- ¹⁹ Ibidem. S.262.
- ²⁰ Meier D. Op.cit. S.770-771.

История национальной школы

- ²¹ Wolgadeutsche Schulblatt. 1927. № 3. S.264.
²² В элементарных школах учились подростки старше 11-12 лет, не получившие начального образования.
²³ Programm für die 2-jährigen Primitivschulen der ASRR der Wolgadeutschen / Wolgadeutsche Schulblatt. 1927. № 2. S.158- 165.
²⁴ Zeitweiliges Programm der deutschen Sprache in den deutschen Schulen 2.Stufe der ASRR der Wolgadeutschen / Wolgadeutsche Schulblatt. 1928. № 10. S.1083-1090.
²⁵ Wolgadeutsche Schulblatt. 1927. № 12. S.1009.

Томан И.Б. Из истории общеобразовательной школы АССР Немцев Поволжья // Школа и мир культуры этносов. – Вып.2. – М., 1995. – С.258-272